

«ЖИТЬ ИНТЕРЕСНО!»

16 ФЕВ 1983

Вечерний Новосибирск
г. Новосибирск

Отшумели аплодисменты. На сцену Новосибирского Дворца культуры железнодорожников вышел другой участник концерта. Андрей Александрович прошел за кулисы, затем в комнату для отдыха. Развязал галстук. Немного остыл, отдышался.

— Итак, я вас слушаю.

— Если бы вам предстояло взять интервью у Андрея Миронова, о чем бы его спросили?

Андрей Александрович удивленно вскинул брови, задумался. Походил по комнате, Остановился. Поправил висящий на плечиках костюм. Еще походил, подумал. Пожал плечами. Посмотрел с явным недоумением и интересом, как гроссмейстер, не ожидавший никакого другого начала, кроме традиционного e2-e4:

— У вас что, все вопросы будут такие?

Мы рассмеялись.

— Ну, «не будем о сложном» — перефразируем эту удобную реплику вашего нового эстрадного персонажа. Просто с вами хочется разговаривать на той же шутивно-ироничной волне, что есть и в сегодняшнем концерте...

— Да, конечно. Все правильно. Почти постоянное появление в таком амплу уже вызывает на лица зрителей улыбку. Эта открытая готовность зрителей к восприятию обязательно веселого, нравящегося, конечно же, греет душу. Но, увы — со временем такая популярность начинает мстить за себя.

— И вы, спасаясь от «опасности», снимаетесь в таких психологически сложных фильмах, как «Фантазия Фарятева»? Нравятся ли вам роли такого плана?

— Очень! Мне вообще хочется играть драму. Это дает возможность отклониться от стереотипа. Считаю, что в прошлом году мне сильно повезло: я сыграл роль писателя в фильме Алексея Германа «Лапшин» и ученого-поэта в «Сказке странствий» Александра Митты. С волнением — представьте! — жду их выхода на экраны.

— Что для вас главное в работе?

— Иметь живой интерес к ней. Если я репетирую — мне интересно; если я играю и получаю отклик зрительного зала — я удовлетворен. Все отлично — я не зря трачу силы.

— Однако в сравнении с другими актерами — вы тратите их неизменно больше. И так происходит, как мы убедились, всегда — на любой сценической площадке — разграничений вы не делаете.

— Спасибо. Но это — моя норма. Мои зрители, мои соотечественники... Я всегда помню о них. Мы живем в одно время, именуемое веком стрессов. И человеку как никогда необходимо искусство. Призвание артиста, писателя, поэта — это сжигание себя, приношение себя в жертву жизни, обществу. Конечно, кого-то вполне устраивает — скажем так — дозированный образ жизни. Считаю, что художнику, мастеру он просто противопоказан. А мастером в своей области деятельности может быть каждый. Если захочет. Если начнет гореть.

— А свойственно ли вам чувство творческого кризиса?

— О, оно у меня постоянно. Ведь часто играя, с одной стороны обретаешь мастерство, а с другой — обростаешь штампами. Чувствуешь это, растет внутренний протест. И мне без педагога, режиссера нельзя. Он острее видит то, чего могу не замечать я сам. Как только актер не хочет слушать замечаний, критики, кончается прогресс.

— Вы и сами стали уже режиссером: поставили три спектакля в театре сатиры. Увлекала ли вас эта новая работа?

— Да, мне это интересно. Режиссер — это отдельная профессия, и она тоже требует призвания, своего таланта. Режиссеру не обязательно проходить актерскую школу. Но уж если она есть — поможет. И дело вот в чем. Наша актерская профессия, наверное, как никакая другая, требует абсолютного раскрепощения. Лучше всех, по-моему, сказал об этом Вахтангов: она требует умения увлечь себя на поставленную цель. То есть представить, допустим, что это не стена, а Анна Керенина. Ну, вы понимаете... Представить так, чтобы поверили, что это действительно так. Однако увлеченности, эмоциональности часто мешает излишняя рациональность. Сравнивая, понимаешь, что режиссер — это аналитик, а артист — все-таки в большей степени практик.

— Если бы выпускали сейчас свой курс молодых актеров, что главное бы им посоветовали, от чего предостерегли?

— Бывает, подает молодой человек надежды в театральном училище, а приходит на профессиональную сцену и... ничего не происходит. Его готовили, за него думали, а в театре надо думать самому. Но самостоятельного мышления у него нет, да и работоспособности тоже. А театр — это работа, работа! Сколько вкладываешь, столько и получаешь. Лучше — все, и подчинить этому всю жизнь. И пожелать я могу им — впрочем, не только им — всем получившим специальное образование — интереса к жизни, к профессии, постоянной неудовлетворенности собой. Ничто не должно давать повода успокаиваться на достигнутом, каждую новую работу надо воспринимать как открытие. И предостеречь — от инертности, равнодушия и цинизма. Под маской цинизма очень выгодно все отвергать, подвергать сомнению, иронизировать. Гораздо сложнее — не бояться казаться смешным, быть искренне увлеченным в своих поисках.

— Какие качества в людях, в партнерах вы цените наиболее высоко?

— Взаимное уважение, взаимный интерес. Я очень люблю партнеров сильных. Умных. Мне интересно с ними.

— А как вы относитесь к человеческим слабостям — своим и чужим? Впрочем, считаете ли вы, что они у вас есть?

— Человека без слабостей я вообще не воспринимаю! Я не верю в беспорочно чистых, «стерильных» людей. Слабости человеческие... Да, они порой гораздо милее сердцу, гораздо больше говорят о человеке. Чего во мне нет и что я считаю своей слабостью — это умения управлять собой, координировать свои эмоции. Суестьливость, как она мне мешает. А может, и помогает?! Может, уберезет от сердечных недугов? Ведь я ничего не могу таить в себе, вынашивать. Любое мое чувство — восторг, неудовольствие — сразу на мне, на лице, я не умею его скрыть. Ну, на сцене это, может быть, и полезно, а вот в жизни...

— Есть ли у вас изречение, любимый девиз?

— Да, пожалуй. У Станиславского: «Молодость проходит, а бездарность остается». Хотелось бы с годами быть к себе еще жестче. Все, что даровано природой и молодостью, увы, — скоротечно. Нужен труд и еще раз труд. И главное — интерес к жизни, к делу своему, без которого и жизнь, наверное, не имеет смысла...

С гостем беседовала
И. ЛАСОВСКАЯ.
Фото В. Михайлова.